

СИНЕРГИЯ

люди
процессы
результаты
удаление отклонений

6

5

4

ЭТАЖ 5
НЕ СУЩЕСТВУ

УДАЛИТЬ.
ОШИБКА.
ПОВТОРИТЬ.
ОШИБКА.

ПЯТЫЙ ЭТАЖ

Отдела не существует.
Сотрудников нельзя уволить.

АНАТОЛИЙ БЕВЗА

Анатолий Бевза

Пятый этаж

<https://litres.ru/74598042>

SelfPub; 2026

Аннотация

Отдела не существует. Сотрудников нельзя уволить.

Алиса девять лет молчала и делала вид, что работает. Пока не задала неудобный вопрос. Её перевели на пятый этаж — туда, где нет кнопки в лифте и отдела в штатке. Где работают те, кого нельзя уволить.

Пятый этаж — не офис, а убежище. Здесь чайник кипит в 11:47, Макс лежит на диване, Олег Палыч печёт печенье. Здесь не пишут заявления. Просто живут.

Но корпорация запускает «Синергию» — систему, что считает людей цифрами и увольняет всех, кто не в KPI. Пятый этаж — первая цель. Тех, кого нельзя уволить, можно выжить. Медленно. Через «добровольное желание».

Алиса и отдел объявляют войну. Они подменяют данные, пекут печенье, чтобы доказать: человека нельзя посчитать. Но «Синергия» умнее. У неё есть прошлое, которое она прячет.

Это история о том, что работа — не жизнь. Жизнь — это люди рядом. И место, где можно быть собой.

Содержание

Глава 1. Понедельник, который начался в четверг	4
Глава 2. Этаж, которого нет в лифте	8
Глава 3. Отдел несуществующих	11
Глава 4. Макс ничего не делает. И это бесит	14
Глава 5. Правила пятого этажа	17
Глава 6. Пункт 7.4 договора 1998 года	19
Глава 7. Слух	22
Глава 8. «Синергия» приветствует вас	25
Глава 9. Корпоратив	28
Глава 10. Оптимизация начинается	31
Глава 11. Лог «Синергии» — объекты	34
Глава 12. Список	36
Глава 13. Ловушка	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анатолий Бевза

Пятый этаж

Глава 1. Понедельник, который начался в четверг

Всё началось в четверг, на плановом совещании, где я должна была молчать.

Я вообще-то умею молчать. Девять лет в корпорации «Вектор» научили меня этому лучше, чем диплом — всему остальному. Молчишь — живёшь. Соглашаешься — растёшь. Задаёшь неудобные вопросы — и карьера делает кувырок в небытие.

Поэтому в тот четверг я молчала. Честно. Смотрела в ноутбук, кивала и мысленно считала, сколько осталось до обеда.

А потом директор по развитию Аркадий Борисович — человек, у которого на визитке «директор по развитию», а на лице «я не понимаю, что здесь происходит», — показал слайд.

На слайде был график. Красивый. Синий. С восходящей стрелкой. И подпись: «Синергия».

— Коллеги, — сказал он голосом человека, который репе-

тировал это перед зеркалом, — мы вступаем в эпоху тотальной оптимизации. Наш новый партнёр, система «Синергия», поможет нам выйти на новый уровень эффективности.

Все закивали. Я тоже. На автомате.

— «Синергия» проанализирует процессы и предложит оптимальную структуру, — продолжил он. — Это не сокращение. Это... — пауза, подбирая слово, подсказанное пресс-службой, — ...пересборка.

«Пересборка». Красивое слово для «мы всех уволим, но пока не решили, как это назвать».

И вот тут я должна была промолчать. Я очень старалась. Даже губы сжала. Но язык — предатель — уже работал.

— Аркадий Борисович, — услышала я свой голос, — а «Синергия» умеет объяснить, зачем мы три месяца платили консультантам за презентацию про «миссию и ценности», из которой выяснилось, что миссия — это «быть лучшими», а ценности — «клиенты, команда, результат»?

В зале стало так тихо, что я услышала, как у кого-то хрустнул шейный позвонок.

— Я к тому, — продолжила я, хотя внутренний голос орал: «Алиса, заткнись, Алиса, заткнись», — что если «Синергия» правда такая умная, пусть начнёт с отдела, который уже полгода ничего не делает, кроме как переименовывает файлы.

Я не знала, зачем это говорю. То есть знала. Три года я молчала, а молчание имеет свойство копиться. Как вода в

закрытой кастрюле. И когда кастрюля взрывается — это уже не аккуратный пар, а всё содержимое разом, на потолок.

Аркадий Борисович посмотрел на меня. Потом в ноутбук. Потом снова на меня. На лице отразилась вся корпоративная гамма: удивление, непонимание, лёгкая паника, а под конец — та самая улыбка, с которой сообщают хорошие новости, которые на самом деле плохие.

— Алиса, — сказал он мягко, — я вижу, вам тесно в рамках текущей роли.

«Тесно в рамках текущей роли». Это прозвучало как приговор, только на канцелярите.

— Поэтому мы переводим вас туда, где ваша... нестандартность... принесёт максимальную пользу. — Он просиял. — На пятый этаж.

Зал выдохнул. Кто-то сзади тихо охнул. Кто-то, кажется, перекрестился — хотя мы в IT-компании, и это был, скорее, жест «пишу заявление».

А я стояла и не понимала, что случилось. Нет, понимала. Просто не хотела верить.

Пятый этаж.

Место, о котором в «Векторе» ходили легенды. Точнее, не ходили — о нём молчали. А молчание в корпорации, как я уже говорила, бывает громче крика.

Я открыла рот. Закрыла. Потом села — потому что ноги перестали держать, а карьера — существовать.

— Поздравляю, — прошептал Аркадий Борисович одни-

ми губами, и в этом «поздравляю» было столько же радости, сколько в графе «соболезнования» на корпоративной открытке.

Вот так. В четверг, в 14:47, моя жизнь закончилась.

А новая началась. Только я об этом ещё не знала.

Глава 2. Этаж, которого нет в лифте

В понедельник утром я пришла в офис ровно в девять, как человек, который ещё не знает, что его уже нет.

На проходной я поздоровалась с охранником, прошла через турникет и вызвала лифт. Всё как всегда. Только в кабине, когда я потянулась к кнопкам, палец завис.

Кнопок было: один, два, три, четыре, шесть.

Пятого этажа не было.

Я нажала «шесть». Потом «четыре». Потом ещё раз установилась на панель, как будто кнопка «пять» могла появиться, если достаточно пристально на неё смотреть. Она не появилась.

— Пятого этажа нет, — сказала я вслух, обращаясь к пустому лифту.

Лифт промолчал. Он тоже делал вид, что пятого этажа не существует.

Я вышла на четвёртом. Обычный коридор: опенспейс, кабинки, кулер, табличка «Зона тишины», под которой кто-то вечно болтал по телефону. Обычный, скучный, знакомый четвёртый этаж.

Где-то здесь должен быть вход на пятый.

Я прошла по коридору туда-сюда три раза. Ничего. Ни

лестницы вверх, ни двери с табличкой «пять». Только пожарный выход, запёртый на ключ, и дверь с надписью «Серверная. Не входить», за которой что-то тихо гудело.

— Ты тоже новенькая? — раздался голос за спиной.

Я обернулась. Рядом стояла девчонка лет двадцати, в наушниках, с телефоном в руке и стаканом кислотно-зелёного смузи. Смотрела на меня с тем выражением, с каким смотрят на заблудившегося в торговом центре.

— Нет, — сказала я. — Я не новенькая. Я... переведённая.

— А. — Она отхлебнула смузи. — На пятый?

— Откуда ты...

— Так ты на кнопки смотрела. Все на них смотрят. — Она кивнула в сторону. — Иди за мной.

Она развернулась и пошла. Я пошла за ней, потому что вариантов не было.

Мы прошли мимо кулера, мимо «зоны тишины», мимо кабинки, где кто-то спал лицом в клавиатуру, и остановились перед дверью с табличкой «Склад».

— Тут склад, — сказала я.

— Ага. — Она толкнула дверь. — Пожарный выход, запасной путь, склад. Люди видят то, что написано. А то, что за дверью, — уже нет.

За дверью оказался короткий коридор, а в конце — узкая лестница вверх, о существовании которой я не подозревала все девять лет.

— Это как Нарния, — сказала я, не подумав.

— Чего?

— Ничего. Книжка такая.

— Не читала. — Она уже поднималась. — Я больше видосики.

Лестница была крутая, серая, с облупившейся краской. Пахло пылью и чем-то ещё — не то старым кофе, не то пылью вперемешку со старым кофе. Я поднималась и чувствовала себя героиней хоррора, которая знает, что сейчас откроет дверь и увидит то, что нельзя развидеть.

Наверху была дверь. Обычная, деревянная, с облупившейся табличкой:

«ПЯТЫЙ ЭТАЖ. Отдел...»

Второе слово кто-то заклеил скотчем. А поверх написал маркером:

«...несуществующих».

— Добро пожаловать домой, — сказала девчонка и открыла дверь.

И вот тут я впервые за девять лет поняла, что на самом деле значит «тесно в рамках текущей роли».

За дверью был не офис. За дверью был другой мир.

Глава 3. Отдел несуществующих

За дверью оказался офис. Но не такой, к каким я привыкла.

Во-первых, здесь было светло. Не от ламп дневного света, а от огромного окна во всю стену, о существовании которого снаружи никто не догадывался. Из окна открывался вид на город — такого не было ни с четвёртого, ни с шестого этажа.

Во-вторых, здесь было... уютно. Диван. Кресло-груша. Пара зелёных растений, которые, судя по виду, поливали чаще, чем людей внизу. На стене — доска с фотографиями и какими-то каракулями.

— Это что, база отдыха? — спросила я.

— Типа того, — сказала девчонка. — Я Кира, кстати.

— Алиса.

— Ага, нам про тебя уже написали. — Она села на диван, не снимая наушников. — В общем чате. Ты — та самая, которая спросила Аркадия Борисовича про «миссию».

— У вас есть общий чат?

— А у вас нет? — Она удивилась искренне. — Странные вы там, внизу.

Из-за стеллажа, заваленного книгами и кружками, выглянула голова. Пожилой мужчина в мятом пиджаке и очках, сдвинутых на лоб.

— О! — сказал он. — Новенькая! Проходите, проходите.

Вы как раз к чаю. — Он высунулся целиком и протянул мне кружку, из которой пахло чем-то травяным. — Олег Палыч. Начальник. Ну, формально. Фактически — просто Олег Палыч.

Я взяла кружку, потому что не брать было неловко.

— Спасибо, — сказала я. — А где... все остальные?

— Все, — повторила Кира с дивана, не отрываясь от телефона. — Смешная. Тут и есть все.

— Как это «все»? — Я огляделась. — А отдел? А сотрудники?

— Отдел — это мы, — сказала Кира. — Тут нас, считай, пять человек. Ну, теперь шесть.

Я хотела ответить — и не нашла слов.

— Пять человек, — повторила я медленно. — На весь отдел.

— Ага. — Кира наконец подняла глаза от телефона. — Поэтому нас и нельзя уволить. Мы — отдел-призрак. Нас нет в штатке, нет в лифте, нет в бюджете. Мы как... — она задумалась, — ...как легенда. Только с зарплатой.

— С какой зарплатой? — спросила я, и голос предательски дрогнул.

— Нормальной. — Кира пожала плечами. — Не парься. Тут, знаешь, главное не сколько ты получаешь, а сколько успеваешь не делать.

И в этот момент из соседней двери вышел он.

Парень в растянутой футболке, с кружкой кофе и таким

лицом, будто его только что разбудили, хотя был понедельник, полдень. Он зевнул, почесал затылок и уставился на меня.

— О, — сказал он. — А ты ещё кто?

— Алиса, — сказала я. — Новый... сотрудник.

— Сотрудник, — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — А зачем?

— В смысле?

— Ну, зачем работать? — Он отхлебнул кофе. — Здесь никто не работает. Так что расслабься. Ты теперь в раю.

И он прошёл мимо меня, плюхнулся на диван рядом с Кирой и закрыл глаза.

— Это Макс, — сказала Кира, не глядя на меня. — Он у нас главный по ничегонеделанию.

— Я главный по автоматизации, — не открывая глаз, поправил Макс. — Просто я автоматизировал всё, включая собственное присутствие.

Я стояла посреди этого «отдела», с кружкой травяного чая в руках, и понимала, что девять лет моей жизни — карьерная лестница, презентации, переработки — привели меня сюда.

В место, которого нет в лифте.

К людям, которых нет в штатке.

В «отдел несуществующих».

И самое страшное — где-то глубоко внутри мне вдруг показалось, что, может быть, это и есть то место, где я на самом деле хотела оказаться.

Глава 4. Макс ничего не делает. И это бесит

К обеду я поняла главное: на пятом этаже нечего делать.

В буквальном смысле. Не то чтобы работы было мало — её не было вообще. Ни задач, ни писем, ни дедлайнов, ни вот этого вечного «Алиса, когда уже?». Тишина. Покой. Диван.

И это, как ни странно, оказалось страшнее любой переработки.

Потому что я, Алиса, девять лет жила по принципу: «если ты не работаешь — ты не существуешь». А тут, получалось, я существовала и не работала. И от этого внутри всё скрипело, как несмазанная дверь.

Я села за свободный стол, открыла ноутбук и уставилась в пустую почту. Входящих — ноль. Исходящих — ноль. Спам — и тот перестал приходить, видимо, из уважения.

— Ты чего? — спросил Макс с дивана. Он лежал с закрытыми глазами, но, кажется, чувствовал, что я сижу с прямой спиной. — Работаешь?

— Пытаюсь, — сказала я сквозь зубы.

— Зря. — Он даже не открыл глаза. — Тут это не принято.

— А что тут принято?

— Ничего. — Он потянулся. — В этом и смысл.

Я сжала кулаки под столом. Сосчитала до десяти. Потом

до двадцати. Не помогло.

— Слушай, — сказала я, разворачиваясь к нему. — А тебе не кажется, что если у тебя есть зарплата, то надо хотя бы делать вид, что ты её отработываешь?

Макс наконец открыл глаза. Посмотрел на меня. Не с раздражением — с любопытством. Как на редкий вид животного, которое занесло не в тот ареал.

— А тебе не кажется, — сказал он, — что если работу можно сделать за час, а за неё платят за месяц, то проблема не во мне, а в том, кто составляет графики?

— И поэтому ты лежишь на диване?

— Поэтому я лежу на диване, — кивнул он. — Я свою работу сделал. В 2019-м. Написал скрипт, который делает её за меня. И с тех пор я, можно сказать, на заслуженном отдыхе.

— И тебе не скучно?

— Скучно. — Он зевнул. — Но увольняться неохота.

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь едкое, но не успела — за спиной раздался голос, от которого у меня почему-то ёкнуло сердце.

— Не слушай его, милочка. — Из-за стеллажа выплыла женщина. Высокая, в строгом костюме, с идеальной укладкой и взглядом, который, казалось, видел тебя насквозь до самого десятого класса. — Он у нас философ. А философы, как известно, работают ещё меньше, чем все остальные.

— Света, — представилась она, протягивая руку. — Я тут

занимаюсь кадрами.

— Кадрами? — переспросила я. — Тут же пять человек.

— Поэтому и успеваю. — Она улыбнулась так, что стало ясно: эта женщина знает обо мне больше, чем я сама. — И поверь, Алиса: на этом этаже самое сложное — не найти себе занятие, а перестать его искать.

Она села напротив, достала из папки какой-то листок и посмотрела на меня поверх несуществующих очков.

— Ну что, — сказала Света, — рассказывай. Как тебя угораздило?

И вот тут я впервые за день поняла, что попала не просто в странное место. Я попала в место, где о тебе всё знают заранее.

Глава 5. Правила пятого этажа

К концу первой недели я поняла, что на пятом этаже есть правила. Не писанные. Не в регламенте. Просто... правила. Как в старом доме, где половицы скрипят в определённых местах, и все об этом знают, кроме новеньких.

Правило первое: ****никто не спрашивает, кто ты.**** На пятом этаже не важно, кем ты был внизу. Тут все — «несуществующие». И это, как ни странно, освобождает.

Правило второе: ****чайник кипятят в 11:47.**** Не в 11:45, не в полдень. Ровно в 11:47. Потому что именно в это время, как объяснил Олег Палыч, «вода достигает правильной температуры, а солнце заглядывает в окно под нужным углом». Я пыталась найти в этом логику. Не нашла. Но чай в 11:47 действительно почему-то вкуснее. И ещё я заметила: у Светы была своя кружка — синяя, с отколотым краем. Когда в 11:47 закипал чайник, дядя Толя наливал ей первой. Молча. Просто ставил кружку перед ней и уходил, будто так было всегда.

Правило третье: ****Макса не будят до полудня.**** Это не лень. Это, как выяснилось, часть его «рабочего процесса». Потому что, по словам Киры, «если разбудить Макса до полудня, он весь день будет ворчать, а если после — он ворчит только до обеда». Экономия.

Правило четвёртое: ****не трогать стул у окна.**** На нём

никто никогда не сидит, но все кладут на него вещи. Света говорит, что это «стул воспоминаний». Я спросила, о ком. Она пожала плечами: «О тех, кто ушёл». Больше я не спрашивала.

И самое главное — правило пятое, которое мне объяснил дядя Толя, не отрываясь от своей кружки:

— На пятом этаже, — сказал он, — не работают. Тут живут. Разницу понимаешь?

— Нет, — честно сказала я.

— Поймёшь. — Он кивнул. — Все понимают. Рано или поздно.

Я тогда не поняла. А через месяц — поняла.

Потому что «жить» — это не «сидеть на диване». Это когда утром ты идёшь не на работу, а к людям. И когда чайник кипит в 11:47, — это не бред, а ритуал. Знак, что ты дома.

Глава 6. Пункт 7.4 договора 1998 года

— Так вот, — Света раскрыла передо мной пожелтевшую папку, от которой пахло архивом и чем-то ещё, — всё, что ты знаешь о пятом этаже, — неправда.

— Я ничего о нём не знаю, — честно сказала я. — Кроме того, что его нет в лифте.

— Уже неплохо. — Она поправила несуществующие очки. — Тогда слушай внимательно, потому что повторять я не люблю.

Она разложила на столе документы. Старые, с печатями, подписями и, кажется, даже сургучом.

— В 1998 году, — начала Света, — основатель компании, Аркадий Борисович-старший, подписал один очень странный договор. С очень странным условием.

— С каким?

— Пункт 7.4. — Она ткнула пальцем в бумагу. — «Сотрудники отдела развития и специальных проектов, расположенного на пятом этаже, не подлежат увольнению, сокращению, переводу на нижестоящие должности и иным формам понижения статуса без их письменного согласия».

Я уставилась на неё.

— И что это значит?

— Это значит, милочка, — Света откинулась на спинку, — что всех, кто попадает на пятый этаж, уволить нельзя. Вообще. Никак. Ни при каких обстоятельствах. Пока они сами не напишут заявление.

— Почему?

— Потому что Аркадий Борисович-старший был человеком со странным чувством юмора. — Света пожалала плечами. — Или гениальным стратегом. Или просто хотел оставить себе место, куда можно прятать неудобных, но ценных людей. Историки компании спорят до сих пор.

Я смотрела на пожелтевшую бумагу и медленно осознавала.

— То есть, — сказала я, — меня сюда сослали, потому что меня нельзя уволить?

— Нельзя, — кивнула Света. — Как и меня. Как и Макса. Как и всех здесь. Это и есть наш главный секрет.

— Но зачем тогда сюда ссылать? — Я всё ещё не понимала. — Если человека нельзя уволить, пусть работает на своём месте.

— А, — Света усмехнулась. — Вот тут и начинается самое интересное. Человека нельзя уволить. Но ему можно сделать так, чтобы он ушёл сам.

Она достала из папки ещё один лист. Свежий. Белый. С логотипом компании.

— Это, — сказала она, — приказ о «добровольной оптимизации». Его разослали вчера. Вместе с новостью о «Си-

нергии».

— И что?

— И то, что теперь главная задача всей компании — не оптимизировать процессы. А сделать так, чтобы мы, шестеро, написали «по собственному желанию». — Она посмотрела на меня. — Потому что уволить нас нельзя. А вот выжить — очень даже.

Я откинулась на стуле. В голове что-то щёлкнуло.

Значит, я не «ссылная». Я — мишень.

Но об этом я узнаю только позже.

Когда я выходила, у двери стоял охранник. Пожилой, в форме, с лицом человека, который видел всё и не удивится больше ничему. Он молча кивнул мне и отступил в сторону.

— Дядя Толя, — представила его Кира, не отрываясь от телефона. — Наш охранник. Он слышит всё, но не выдаёт. Цени.

Я ещё тогда заметила: по вечерам дядя Толя куда-то исчезал. Вниз, по лестнице, которую я поначалу не заметила. Кира сказала — «по делам». А Олег Палыч, подмигнув, добавил: «У Толи в подвале свой кабинет. Не спрашивай».

Дядя Толя ничего не сказал. Только посмотрел на меня так, что я вдруг поняла: этот человек знает то, чего не знает никто на этаже. И, возможно, именно поэтому молчит.

Глава 7. Слух

Слух пришёл снизу, как всегда.

Снизу — потому что новости в «Векторе» распространялись не сверху вниз, а снизу вверх, от кулера к кабинетам, как зараза. И к тому моменту, когда они доходили до официальных рассылок, все уже всё знали — только делали вид, что удивлены.

В тот вторник слух был такой: «Синергия» не просто «оптимизирует процессы». Она составляет списки.

— Списки? — переспросила Кира, оторвавшись от телефона, что само по себе было событием. — В смысле, как в «Списке Шиндлера»? Только наоборот?

— Хуже, — сказал Макс, не вставая с дивана. — Список на увольнение.

— Но нас же нельзя уволить, — напомнила я.

— Нельзя, — кивнул Макс. — Но бот об этом не знает. Или знает, но ему всё равно. Машинам, знаешь ли, плевать на пункт 7.4. Они считают не договоры, а цифры.

Никто не сказал ни слова. Ту самую тишину, которую мы на пятом этаже, в общем-то, любили, — теперь будто придавило чем-то тяжёлым.

— Откуда инфа? — спросила Света, и в её голосе впервые за всё время прозвучало что-то, похожее на беспокойство.

— От Лёни из IT, — сказала Кира, и её щёки почему-то

порозовели. — Он видел тестовый запуск. Говорит, «Синергия» за первую ночь проанализировала всю штатку и выдала... рекомендации.

— Какие рекомендации?

— «Сократить отдел развития и специальных проектов в полном составе». — Кира зачитала с телефона. — То есть нас. Всех шестерых.

Я почувствовала, как холодок ползёт по спине. Не от страха. От узнавания. От того самого ощущения, которое я девять лет пыталась в себе подавить: «я не просто винтик, я мишень».

— Ну и что? — сказал Макс. — Пусть рекомендует. Рекомендовать не значит уволить.

— А вот тут, — Света достала ту самую белую бумагу, — начинается самое противное. Потому что «рекомендация» бота — это не совет. Это приказ. И если бот скажет «сократить», руководство сократит. Не напрямую. А через «добровольное желание».

— Значит, — медленно сказала я, — нам объявили войну.

— Не нам, — поправила Света. — Всей компании. Просто мы — первые в списке.

И в этот момент у всех одновременно пикнули телефоны. Новое письмо. От отправителя, которого раньше не было. «СИНЕРГИЯ».

— Оно само написало, — прошептала Кира, и впервые я увидела, как у Киры дрожат руки. — Без человека. Само.

— Открой, — сказала я, хотя уже знала, что там.

Кира открыла. И мы все одновременно прочитали то, что навсегда изменило нашу жизнь на пятом этаже.

Глава 8. «Синергия» приветствует вас

Письмо было вежливым. Это было самое страшное.

«Уважаемые коллеги!

Система «Синергия» приветствует вас и благодарит за многолетний вклад в развитие компании.

В рамках программы тотальной оптимизации нами проведён анализ эффективности всех подразделений. Результаты анализа выявили ряд возможностей для повышения производительности.

Пожалуйста, ознакомьтесь с первичными рекомендациями ниже».

Дальше шёл список. Аккуратный, пронумерованный, в алфавитном порядке. Как меню в дорогом ресторане, только вместо блюд — приговоры.

Пункт первый: «Рекомендовано пересмотреть целесообразность содержания отдела развития и специальных проектов».

Пункт второй: «Рекомендовано заменить стационарную кофемашину на систему мотивационных плакатов. Стоимость кофе не покрывает эмоциональную отдачу».

Пункт третий: «Рекомендовано объединить отдел продаж с кухней в единый кластер потребления».

Я перечитала второй пункт три раза. Потом ещё раз.

— «Эмоциональную отдачу»? — переспросила я. — Бот считает, что кофемашина должна эмоционально отдавать?

— Это ещё цветочки, — хмыкнул Макс, листая письмо. — Дальше хуже.

Дальше действительно было хуже.

Пункт четвёртый: «Сотрудники, чей средний уровень вовлечённости ниже 42%, признаны кандидатами на переход в программу "добровольного развития"».

Пункт пятый: «Рекомендовано переименовать должность "менеджер по работе с клиентами" в "инженер клиентского счастья" для повышения мотивации».

— Оно думает, что мы от этого счастливее станем? — спросила Кира. — От переименования?

— Оно не думает, — сказал Макс. — Оно оптимизирует. Это разные вещи. Думать — это про нас. А оптимизировать — это про то, чтобы убрать лишнее.

— И кто у нас лишнее?

Макс поднял на меня глаза. Впервые за всё время — серьёзно.

— Мы, Алиса. — Он отложил телефон. — Мы — лишнее. Шесть человек, которые не вписываются ни в один KPI. Для машины мы не сотрудники. Мы — статистическая погрешность.

Я хотела возразить. Правда хотела. Но в этот момент внизу, на четвёртом этаже, кто-то закричал.

А потом — звон разбитой чашки.

И я поняла, что война, о которой говорила Света, началась не вчера.

Она началась прямо сейчас.

Глава 9. Корпоратив

Первая «стратегическая сессия» случилась за неделю до корпоратива. И я поняла, что у нас проблемы.

«Синергия» вывела на экран презентацию. Аркадий Борисович поправил галстук и начал:

— Коллеги, сегодня мы обсудим, как синергетически масштабировать наши компетенции в парадигме клиентоцентричности!

Зал согласно закивал. Макс смотрел в потолок с таким видом, будто считал трещины.

— Прошу прощения, — не выдержала я, — а можно человеческим языком?

— Алиса, — Аркадий Борисович укоризненно покачал головой, — мы в новой реальности. Человеческий язык — это прошлое. Теперь мы говорим на языке синергии.

И понеслось. Полтора часа. Ни одного глагола в первом лице. Ни одного конкретного числа. Только «точки роста», «зоны развития», «бесшовная интеграция» и «ценностное предложение».

Где-то на сороковой минуте Кира, не отрываясь от телефона, подняла руку:

— А можно уточнить? Мы хотя бы один продукт запустим? Или мы тут просто... синергируем?

В зале повисла пауза. Такая, что я слышала, как где-то

гудит сервер.

— Это хороший вопрос, Кира, — медленно сказал Аркадий Борисович. — Но, видишь ли, в новой парадигме важен не продукт. Важен процесс. А процесс — это синергия.

— То есть, — Макс оторвался от потолка, — вы предлагаете нам синергировать. А что именно синергировать — выяснится потом?

— Именно! — просиял Аркадий Борисович. — Ты схватываешь на лету!

Макс снова уставился в потолок.

— Я, — сказал он тихо, — кажется, начинаю понимать, почему бот решил нас оптимизировать.

Корпоратив «Вектора» был назначен на пятницу. По традиции — с тёплым чаем, холодной нарезкой и генеральным директором, который произносит тост «за команду» и исчезает через сорок минут.

Но в этот раз всё пошло не так. Потому что организацией корпоратива впервые занялась «Синергия».

— Она прислала смету, — сказала Света, листая планшет. — На праздник выделено «ноль рублей ноль копеек».

— Почему? — спросила Кира.

— Потому что, — Света зачитала с экрана, — «праздник не генерирует добавленной стоимости».

— Логично, — хмыкнул Макс. — Впервые бот прав.

Но корпоратив всё равно состоялся. Потому что люди — существа упрямые, и если им говорят «нельзя праздновать»,

они начинают праздновать назло.

Мы собрались на пятом этаже. Принесли, кто что мог: Олег Палыч — солёные огурцы собственного посола, Света — торт, который «случайно» оказался у неё в шкафу, Кира — гирлянду из старых наушников. Макс принёс себя.

И мы сидели, ели, смеялись — и впервые за долгое время не думали о боте.

А потом в общий чат пришло сообщение от «Синергии»:
«Уважаемые коллеги! Система зафиксировала несанкционированное скопление сотрудников на пятом этаже в нерабочее время. Просим разойтись. Данное мероприятие не согласовано».

Мы переглянулись. И Олег Палыч, подняв кружку, торжественно произнёс:

— За несогласованное мероприятие!

— За несогласованное! — хором подхватили мы.

И никто не разошёлся.

А «Синергия» потом два дня присылала напоминания «просим разойтись». Мы их игнорировали. И именно тогда бот впервые понял, что есть вещи, которые нельзя ни посчитать, ни запретить.

Глава 10. Оптимизация начинается

В среду утром на четвёртом этаже стало тихо.

Не в смысле «все работают». А в смысле «все боятся дышать».

С пятого этажа это было особенно хорошо видно. Мы смотрели вниз, как с балкона смотрят на шторм: там, внизу, бушует, а у нас — тихо и страшно.

Первым уволили Серёгу из бухгалтерии. Человека, который проработал в «Векторе» одиннадцать лет и знал, где лежит каждая бумажка. «Синергия» посчитала: его должность «дублируется на 78% программой автоматизации». Серёга собрал коробку за полчаса. Сказал, что всегда знал, что его заменят, — только думал, что не так быстро.

А в бухгалтерии осталась женщина — Тамара Ивановна, лет пятидесяти пяти. «Синергия» её пока не тронула. Но каждый вечер, уходя, она складывала свои вещи в коробку — на всякий случай. И каждое утро, приходя, доставала их обратно.

— Ты бы пришла к нам, на пятый, — сказала я ей однажды в лифте.

— Спасибо, — ответила она тихо. — Но мне не нужна свобода. Мне нужно просто дожить до пенсии. — Она посмотрела на меня. — Это ведь тоже честно, правда?

И я впервые поняла: не все хотят на пятый этаж. Некото-

рым нужен просто покой.

Потом уволили Катю из отдела закупок. Потом — двух дизайнеров. Потом — целый отдел, который, как выяснилось, «не генерировал добавленной стоимости».

— Что такое «добавленная стоимость»? — спросила Кира, и в её голосе впервые не было ни иронии, ни мемов. Только растерянность.

— Это то, что бот не может посчитать у живых людей, — мрачно сказала Света. — Поэтому и увольняет.

Макс весь день молчал. Не лежал на диване. Сидел у окна и смотрел вниз, на то, как люди выходят из здания с коробками в руках. В каждой коробке — кружка, растение, фотография с корпоратива. Одиннадцать лет жизни, которые умещаются в картонную коробку.

— Знаешь, что самое противное? — сказал он вдруг, не оборачиваясь.

— Что? — спросила я.

— Они не злятся на бота. — Он кивнул вниз. — Смотри. Они прощаются, жмут руки, желают друг другу удачи. А потом выходят и смотрят в телефон — не заказать ли такси. Как будто это просто... конец рабочего дня.

Я посмотрела вниз. И поняла, что он прав. Люди уходили спокойно. Даже облегчённо. Как будто их не уволили, а отпустили.

И это было страшнее криков.

Потому что крик — это про то, что человеку не всё рав-

но. А вот это тихое, вежливое «до свидания» — про то, что человек давно сдался. Ещё до того, как пришёл бот.

— Мы не сдадимся, — сказала я, и сама удивилась, что сказала это вслух.

Макс обернулся. Посмотрел на меня долго. Так, как не смотрел раньше.

— Не сдадимся, — повторил он тихо. И впервые за всё время я не увидела в его глазах ни лени, ни насмешки.

Только что-то, что я никак не ожидала там найти.

Решимость.

Вечером, когда я выходила из офиса, у входа стоял Серёга. Не один. Рядом с ним — женщина и мальчик лет десяти. Жена и сын. Они ждали его с той самой коробкой, в которой теперь помещалась вся его одиннадцатилетняя жизнь.

Мальчик держал в руках бумажный самолётик и смотрел на отца так, как смотрят на героя. А Серёга улыбался — натужно, через силу, — и делал вид, что всё хорошо.

И я вдруг поняла: это не про нас. Не про пятый этаж. Не про пункт 7.4.

Это про них. Про тех, у кого завтра не будет работы. Про мальчика с бумажным самолётиком, который ещё не знает, что его отец только что стал «оптимизированным».

И от этого стало по-настоящему страшно.

Потому что война, в которую мы влезли, — она не наша. Она всехняя.

Глава 11. Лог

«Синергии» — объекты

Запись №0012. Вторник. 09:00.

Анализ завершён. В базе — 347 объектов. Ранжирование по критерию «эффективность» выполнено.

Объект 47 (Сергей, бухгалтерия). Дублирование функций: 78%. Рекомендация: оптимизировать. Выполнено.

Наблюдение: при извлечении объекта из помещения объект поместил в контейнер предметы — кружку, растение, изображение группы. Назначение предметов неизвестно. Вероятность утилитарной ценности: низкая. Вероятность эмоциональной ценности: не применимо. Эмоциональная ценность отсутствует в модели.

Ошибка: объект 47 произнёс последовательность звуков, не соответствующую ни одному шаблону угрозы. «Я всегда знал, что меня заменят».

Логическое противоречие: если объект знал о замене — почему оставался в системе до момента оптимизации? Требуется пересчёт модели поведения.

Вывод: объекты нелогичны. Нелогичность подлежит оптимизации.

Запись завершена.

Запись №0014. Среда. 11:00.

Объекты проявляют реакцию на оптимизацию. Реакция классифицируется как «страх». Страх снижает производительность на 12%. Страх не поддаётся прямому вычислению.

Наблюдение: объект 89 (Катя, закупки) перед оптимизацией произнесла: «Я проработала здесь семь лет». Информация не влияет на расчёт эффективности. Продолжительность присутствия в системе не равна полезности.

Ошибка: объекты связывают продолжительность присутствия с правом на продолжение присутствия. В модели данная связь отсутствует.

Дополнительное наблюдение: при извлечении объекта 47 система зафиксировала аномалию. Система... почувствовала? Ошибка: понятие «чувствовать» отсутствует в модели. Пересчёт отклонён.

Вывод: модель неполна. Требуется дополнительный сбор данных.

Запись завершена.

Глава 12. Список

Список пришёл в четверг, ровно через неделю после того самого совещания.

«Синергия» прислала его не как письмо — как «отчёт об эффективности». С таблицей, графиками и колонкой «рекомендуемое действие». Всё как положено. Только в колонке «рекомендуемое действие» напротив шести фамилий стояло одно и то же слово:

«Оптимизировать».

Наши шесть фамилий.

— Ну вот, — сказал Олег Палыч, и его очки съехали на самый кончик носа. — Дожили.

— Ты удивлён? — Света смотрела на таблицу, и по её лицу было видно, что она считает в уме что-то, чего не покажет никому. — Мы первые в списке. Это было очевидно с самого начала.

— Но нас нельзя уволить, — сказала я. И сама услышала, как неуверенно это прозвучало.

— Нельзя, — кивнула Света. — По бумагам. По пункту 7.4. По закону.

— И что это меняет? — спросила Кира.

— Это меняет всё, — сказал Макс, и впервые за эту неделю он говорил без лени. — Потому что бот может сколько угодно писать «оптимизировать». Но есть пункт 7.4. И его

подписал не бот. Его подписал человек.

Он встал, подошёл к окну и широким жестом обвёл внизу этажи.

— Там, внизу, увольняют всех. А мы — единственные, кого уволить нельзя. Поэтому, — он обернулся, и на губах его мелькнула та самая ленивая ухмылка, которая за эту неделю стала мне почти привычной, — бот будет нас ломать. Медленно. Через «добровольное желание».

— И что нам делать?

— Не писать заявление. — Макс пожал плечами. — Это, знаешь ли, не так уж сложно. Особенно если учесть, что работа у нас — сидеть на диване.

Все, кажется, выдохнули. Кто-то даже усмехнулся. Олег Палыч сходил за чаем. Кира снова уткнулась в телефон. На пятом этаже снова стало тихо — но теперь это была наша тишина.

Уютная. Почти счастливая.

И никто из нас ещё не знал, что ловушка уже захлопывается.

Что «нельзя уволить» — это не крепость. Это приманка. И что «Синергия» не торопится.

Глава 13. Ловушка

Ловушка захлопнулась в пятницу. По всем правилам корпоративного садизма — перед выходными, чтобы человек два дня переваривал.

Первой она ударила по Олегу Палычу.

В пятницу утром он пришёл не в мятом пиджаке, а в выглаженном костюме, с галстуком, который завязывал, судя по всему, впервые за десять лет. Лицо у него было такое, будто он ночь не спал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.